

УДК 72.01, 7.01

М. В. ДУЦЕВ, д-р архитектуры, зав. кафедрой дизайна архитектурной среды¹, проф. кафедры архитектуры инженерной академии², вед. науч. сотрудник, зав. отделом проблем теории архитектуры³; **А. А. КУРБАТОВ**, магистрант кафедры дизайна архитектурной среды¹

К НОВЫМ ОНТОЛОГИЯМ В АРХИТЕКТУРЕ. ЧАСТЬ 2. РАЗВИТИЕ ПЛОСКИХ ОНТОЛОГИЙ

¹ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»

Россия, 603952, г. Н. Новгород, ул. Ильинская, д. 65. Тел.: (831) 433-05-52; эл. почта: nn2222@bk.ru

²ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы». Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Тел: +7 (499) 936-87-87; эл. почта: rudn@rudn.ru

³Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ

Россия, 111024, Москва, ул. Душинская, д. 9. Тел./факс: (499) 951-82-72; эл. почта: niitag@yandex.ru

Ключевые слова: архитектура, философия, архитектурный объект, объектно-ориентированная онтология, плоская онтология.

Статья является второй частью исследования данными авторами актуальной проблемы онтологического поворота в теории и практике архитектуры. Авторами рассматриваются связи между архитектурой и философией, представленные в четырех онтологических схемах. Четвертая онтологическая схема обозначается как новая онтология, поскольку является «плоской» и тем самым дающей возможность признания равноправия участников всех пространственных взаимодействий и равного статуса различных проектных решений, используемых тектоник и новых архитектурных образов. В статье рассматриваются подходы Марка Фостера Гейджа, Дэвида Руя и Тома Вискомба.

Новые онтологии уже успешно импортируются в архитектуру, однако, буквальный импорт философских идей представляется невозможным. В этой связи будут рассмотрены основные архитекторы-теоретики, работающие с новыми течениями мысли (в основном это объектно-ориентированная онтология Грэма Хармана), и их ключевые концепции.

Стоит отметить, что интерес к объектно-ориентированной онтологии (ООО) в архитектурной среде велик, Грэм Харман – основоположник течения, преподает в Южно-Калифорнийском архитектурном институте (*SCI-Arc*), неудивительно, что именно там появляются связанные с этим направлением архитектурные концепции [1, с. 237–244]. Основными архитекторами в *SCI-Arc*, занятыми экспортом ООО, являются Дэвид Руй и Том Вискомб. Вместе с тем важной фигурой является Марк Фостер Гейдж – заместитель декана в Архитектурной школе Йельского университета. Их объединяет не только следование умонастроению новой теории, но и критическое отношение к делезианскому веянию на теорию архитектуры запада 1990-х гг. Архитектурный объект в этих теориях отходит на второй план, а важной становится виртуальная сеть

отношений, которая динамична и более реальна, чем сам объект. Эта теоретическая рамка обязывает архитектора ставить на первое место именно отношения, а не сам объект. Из-за этого архитектура становится побочным продуктом социокультурной среды или компонентом систем, что вынуждает постоянно легитимировать любое архитектурное решение контекстом и внешними силами (иногда измеримыми, а иногда и воображаемыми).

Архитектор вынужден постоянно искать себе алиби и занимать слабую позицию, пытаясь легитимировать свое произведение, а поскольку учесть весь комплекс фактов и величин невозможно (хотя попытки и исследования в этой области ведутся с помощью полной автоматизации проектирования), архитектурное решение всегда легко уличить в несостоятельности. За множеством отношений с городом, инфраструктурой, природой, обществом и т. д. теряется сама архитектура, она становится совершенно неразличимой, поскольку выставленная рамка на какие-то конкретные части или качества объекта проводит его редукцию. Понимание значимости объекта в таком ключе неизбежно уменьшает его ценность. Такой метод актуален лишь в эпистемологических целях, поскольку объять все качества и отношения объекта невозможно. ООО является противоядием для «... дисциплины, парализованной очевидным обязательством одновременно заниматься устойчивостью, политикой, экономикой, социальными отношениями и контекстом» [2, с. 104]. Поэтому под тяжестью этого бремени архитекторы вынуждены проводить редукцию, сводя объекты к их изолированным ключевым отношениям, что негативно сказывается на культурной значимости архитектурного объекта.

Гейдж для критики сложившейся ситуации в архитектурном дискурсе обращается к ООО, где попытки исследовать объекты через их отношения называются «надрывом» (*overmining*), «подрывом» (*undermining*) и «двойным срывом» (*duomining*). Под этим понимается отказ от дискретных границ и автономности объекта в пользу качеств и отношений (надрыв), его частей (подрыв), сведение объекта к качествам его частей (двойной срыв). В архитектуре эти методы применяются достаточно часто, так что архитекторы подрывают и надрыгают плоды своего труда – архитектурные объекты. «Вместо этого они будут определены исключительно своей автономной реальностью. Они должны быть автономны по двум различным направлениям: возникать как нечто превосходящее сумму составляющих их частей, а также воздерживаться от отношений с другими сущностями» [3, с. 39].

Также популярный семиотический подход для осмысления архитектуры и ее форм – сведение ее к знаковым системам – представляется корреляционистским. Он сводит значимость архитектуры к человеческим знаковым системам и коммуникации, материальность архитектуры теряется. Несмотря на антиантропоцентричный тон «... часто неверно считают, что ООО с ее интересом к объектам должна достигать их, исключая или искореняя людей» [4, с. 70]. Таким образом, применение ООО в архитектуре не является чем-то непоследовательным, поскольку архитектура и градостроительство все же должны соотноситься с человеком, здесь речь идет о понимании того, что человек не привилегированный наблюдатель, вокруг которого все разворачивается. Можно говорить, скорее, о децентрации, нежели о полном исключении человека. Стоит отметить, что и архитектор в этой оптике является «объектом», из чего

следует невозможность понимания архитектора как демиурга, придающего форму бесформенной и пассивной материи.

Исходя из вышеизложенного, основным жестом для новой онтологии архитектуры является отказ от редукции объекта к его качествам или другим объектам. Основная ставка делается на продуцирование новых качеств. ООО предполагает, что здания – это объекты, обладающие огромным количеством качеств, свойств и даже отношений, но их полная реальность никогда не может быть сведена к чему-то одному. В ООО люди (и другие объекты) могут обладать способностью воспринимать некоторые качества любого данного объекта, но большинство его качеств недоступно нашему опыту. У каждого объекта есть реальное существование, которое изъято из нашего опыта, а также чувственное существование в его чувственных качествах, которое доступно в опыте. «С терминологической точки зрения можно говорить об «инкрустации» (*encrustation*) поверхности чувственного объекта качествами. Мы наталкиваемся на всякий чувственный объект в куда более детализированном виде, чем это необходимо...» [3, с. 38], при этом реальные качества скрыты под поверхностью объекта. Именно в проектировании чувственных (инкрустированных) качеств заключается, по мнению Гейджа, значимость архитектурного объекта, но их стоит понимать, как избыточные, а не как обязательные истины.

Вместо архитектуры, возникающей в результате анализа какого-либо конкретного фактора (например, анализа зонирования, который управляет ею), ее можно было бы рассматривать как результат того, что архитектор проектировал инкрустированные качества для достижения цели представления с помощью чувства, а не истины с помощью изолированной, сингулярной концепции [2]. При этом это не отступление к феноменологии или наивному реализму, где объекты есть такие, какие они есть, всегда подразумевается изъятое реальное, находящееся во вне, к которому можно приблизиться только аллюзиями и непрямыми ссылками. Также эта позиция не является метафизикой присутствия – онтологией, как ее определяет Жак Деррида, поскольку «...рассматривая сущие как изъятые, она подрывает любые претензии на присутствие в бытии» [5, с. 252]. Гейдж предполагает, что задача архитектора помыслить архитектуру, намекающую или служащую аллюзией на более глубокий или альтернативный взгляд на реальность, скрывающуюся за воспринимаемой поверхностью.

Возращение к объектам не является возвращением к дискуссиям о пропорциях, характере и гармонии композиции [6]. Объект понимается достаточно широко, это не только «здания-как-объекты» в прямом смысле, но и другие сущности, зачастую даже не вполне материальные. В этом случае теория и практика рассматриваются как разные виды взаимодействия и производства, но при этом с равными формами создания. Иллюстрировать теорию практикой при этом невозможно, из-за того, что «... если архитектурный объект действительно реален, в архитектурном объекте всегда будет что-то, что будет изъято из теоретического доступа» [6, с. 39]. Теория существует как отдельный объект, не описывающий полностью практику, а, скорее, добавляющийся к ней. Это странное взаимодействие (в котором всегда не до конца понятно, что происходит) между объектами создает новые объекты, при этом качества оригиналов не исчерпываются, такое создание никогда не может быть инкапсулировано методологией.

Если Руй и Гейдж стремятся переосмыслить предназначение архитектуры, ее возможности и перспективы, то Вискомб разрабатывает формальные и конструктивные возможности применения новых онтологий (хотя почерк Гейджа весьма узнаваем). Он разрабатывает три модели с применением плоской онтологии «...фигура в мешке, предполагаемая наружная оболочка и сверхкомпонент». Основной формальной идеей Вискомба является аналогия с мешком, которую он заимствует у философа Тристана Гарсия. Суть аналогии заключается в том, что «мешок собирает вещи вместе в слабо связную форму, не разрушая дискретности вещей» [7, с. 35], при этом содержимое мешка скрыто и представлено лишь намеками в легком врезании в оболочку. Для архитектуры это означает новое осмысление контейнера и его компонентов, получается структура, где один (одни) объект завернут в другой объект. Предполагаемая наружная описывает «пространственные эффекты частичного вторичного отгораживания, окутывающего внутренние объекты, но никогда не затеняющего их полностью». При этом идея компонентов заменяется идеей «сверхкомпонентов», что совмещает в себе одновременное нахождение «выше» и «ниже» и нивелирует любую иерархию. Из этого возникает следствие, что все архитектурные элементы должны быть рассмотрены как равные, но различные.

Внутренние объекты теперь независимы от внешней оболочки, они врезаются в нее, деформируют и искажают, они существуют с ней на равных. Архитектурная масса не зависит от своего основания в виде поверхности земли, также как от контекстуальных сил. Этот метод может применяться и дальше независимо от масштаба архитектурных объектов. Сверхкомпонентная модель предполагает, что объекты спрессовываются с оболочкой снаружи. Объекты как бы объединяются вместе, не образуя монолитного единства. Решающее значение приобретают зазоры и несоответствия, поскольку они раскрывают автономное существование сверхкомпонентов и создают различные эффекты. Сверхкомпоненты изготовлены целиком, нарушая привычное пропорционирование, завязанное на человеке. Новые композитные конструкции создают различие между местом соединения и сочленения, швы могут быть выполнены, где угодно. Эпоха классических тектонических сочленений, по мнению Вискомба, кирпичей, блоков, панелей должна быть переосмыслена. Предполагается, что конструкция отделена от размера материала, и возможно строительство крупными блоками.

Критикуя панелизацию, часто применяемую в новейшей архитектуре за подрыв автономности, Вискомб разрабатывает концепт архитектурных татуировок, которые «... являются объективацией поверхностного сочленения» [7, с. 41]. Татуировки – это не украшения и не суперграфика, они встроены в массу здания, но напрямую с ней не связаны. Они накладываются и вдавливаются так, будто могут быть отделены и являться самостоятельным объектом. Основная цель архитектурных татуировок – создание странных, таинственных формальных эффектов, которые подчеркивают автономность или наоборот ее скрывают, создают эффект глубины или наоборот «уплощают» объемы. Все это раскрывает важную для ООО архитектуры таинственность и непрозрачность, обращение к скрытому и темному, которые весьма избыточны.

Могут ли новые онтологии стать основанием для новой архитектуры, сказать однозначно пока невозможно, поскольку это направление в архитектуре представлено весьма скромно. Понятно одно, что буквальный импорт из

философии идей в архитектуру весьма проблематичен, но это не отменяет плодотворного сотрудничества между архитекторами и философами, в котором появятся новые объекты. Новые онтологии однозначно могут переопределить место архитектуры и архитектора в мире, обновить дискурс соотношения частей и целого, внешнего и внутреннего, помочь переосмыслить формальные вопросы композиции. Эта теоретическая рамка не только предполагает критический пересмотр иных теоретических позиций и архитектурных теорий в частности, но и легитимное, вполне естественное сосуществование архитектур других онтологий наравне с собой.

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных научных исследований Российской академии архитектуры и строительных наук и Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на 2024 год.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Харман, Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / Г. Харман ; перевод с английского М. Фетисов. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. – 272 с. – ISBN 978-5-91103-576-1. – Текст : непосредственный.
2. Gage, M. F. Killing Simplicity: Object-Oriented Philosophy in Architecture / M. F. Gage // Log. Observations on architecture and the contemporary city. – 2015. – № 33. – P. 95–106.
3. Харман, Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / Г. Харман ; перевод с английского А. Морозов, О. Мышкин. – Пермь : Гиле Пресс, 2015. – 152 с. – ISBN 978-5-9906611-1-0. – Текст : непосредственный.
4. Харман, Г. Имматериализм. Объекты и социальная теория / Г. Харман ; перевод с английского А. Писарева. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2018. – 152 с. – ISBN 978-5-93255-518-7. – Текст : непосредственный.
5. Брайант, Леви Р. Демократия объектов / Л. Р. Брайант ; перевод с английского О. С. Мышкина. – Пермь : Гиле Пресс, 2019. – 320 с. – ISBN 978-5-6041044-9-1. – Текст : непосредственный.
6. Ruy, D. Returning to (Strange) Objects / D. Ruy // TARP Architecture Manual: Non Nature. – 2012. – P. 38–42.
7. Wiscombe, T. Discreteness, or Towards a Flat Ontology of Architecture / T. Wiscombe // Project. – 2014. – № 3. – P. 34–43.

DUTSEV Mikhail Viktorovich, doctor of architecture, holder of the chair of architectural environment design¹; professor of the architecture department of the Engineering academy², leading researcher, head of the department of problems of architecture theory³; KURBATOV Aleksander Andreevich, master degree student of the chair of architectural environment design¹

TOWARDS NEW ONTOLOGIES IN ARCHITECTURE. PART 2. THE DEVELOPMENT OF FLAT ONTOLOGIES

¹Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
65, Iljinskaya St., Nizhny Novgorod, 603952, Russia. Tel.: +7 (831) 433-05-52;
e-mail: nn2222@bk.ru

²Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia. Tel.: +7 (499) 936-87-87;
e-mail: rudn@rudn.ru

³Institute of Theory and History of Architecture and Urban Development (NIITIAG)
9, Dushinskaya St., Moscow, 111024, Russia. Tel.: +7 (499) 951-82-72;
e-mail: niitag@yandex.ru

Key words: architecture, philosophy, object-oriented ontology, architectural object, flat ontology.

The authors consider the connections between architecture and philosophy, presented in four ontological schemes. The fourth ontological scheme is designated as a new ontology, since it is "flat" and thus makes it possible to recognize the equality of participants in all spatial interactions and the equal status of various design solutions, used tectonics and new architectural images. The article examines the approaches of Mark Foster Gage, David Ruy and Tom Wiscombe.

REFERENCES

1. Harman G. Obiektno-orientirovannaya ontologiya: novaya «teoriya vsego» [Object-oriented ontology: a new "theory of everything"]: per. s angl. M. Fetisov. Moscow: Ad Marginem Press, 2021. – 272 p.
2. Gage M. F. Killing Simplicity: Object-Oriented Philosophy In Architecture/ Log. Observations on architecture and the contemporary city. 2015. № 33. P. 95–106.
3. Harman G. Chetveroyakiy objekt: Metafizika veshchey posle Haydeggera [The Quadruple Object: The Metaphysics of Things after Heidegger]. Perm: Gile Press, 2015. – 152 p.
4. Harman G. Immaterializm. Obiekty i socialnaya teoriya [Immaterialism. Objects and social theory]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gaydara, 2018. – 152 p.
5. Brayant Levi R. Demokratiya obiektoy [The Democracy of Objects]. Perm : Gile Press, 2019. – 320 p.
6. Ruy D. Returning to (Strange) Objects / TARP Architecture Manual: Non Nature. 2012. P. 38–42.
7. Wiscombe T. Discreteness, or Towards a Flat Ontology of Architecture / Project. 2014. № 3. P. 34–43.

© М. В. Дуцев, А. А. Курбатов, 2024

Получено: 03.06.2024 г.